

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Садуллаев Диёржон

*кафедра русского языка и литературы
Бухарский государственный университет*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы перевода узбекских соматических фразеологизмов на русский язык с учётом культурной образности и функциональной эквивалентности. Автор предлагает траекторию перевода — от семантического анализа до прагматической адаптации. Определены оптимальные стратегии: функциональный аналог, описательный перевод и ограниченная форенизация для достижения точности и культурной адекватности перевода.

Ключевые слова: соматические фразеологизмы, перевод, фразеология, эквивалентность, культурная адаптация, функциональный аналог, описательный перевод, форенизация.

Перевод узбекских соматических фразеологизмов на русский язык сопряжён с высокой степенью идиоматичности, культурной маркированности и семантической слитности. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом («голова», «ухо», «плечо», и т. п.) образуют устойчивые образы, где телесный признак несёт абстрактную функцию: оценку, эмоцию, социальную норму, угрозу, благопожелание. Для их адекватной передачи необходимы методы, сочетающие уровневую эквивалентность и трансформации (лексико-семантические, грамматические, прагматические).

Перед исследователем, работающим с узбекскими соматическими фразеологизмами, встаёт задача выработки конкретных переводческих решений, учитывающих как лингвистическую специфику, так и культурный контекст обоих языков. Предлагаемые стратегии перевода базируются на принципах функциональной эквивалентности, минимизации семантических потерь и сохранения образности там, где это возможно без ущерба для понимания [1].

Узбекская поговорка «*Bosh omon bo'lsa do'ppi topilar*» содержит ядерную семантику утешения и надежды: пока цела голова, всё остальное поправимо. Русский язык располагает близким по духу выражением «была бы голова на плечах — шапка найдётся», которое передаёт ту же философию жизненной стойкости. Компонент *do'ppi* (тюбетейка) выступает культурным маркером, однако его замена на нейтральное «шапка» не искажает смысловой доминанты. В научном или этнографическом тексте допустимо калькирование с комментарием: «была бы голова цела — тюбетейка найдётся (национальный

головной убор)», что позволяет сохранить культурную аутентичность при сохранении понятности.

Фразеологизм «*Boshini ikkita qilmoq*» буквально означает «сделать голову двумя» и отражает свадебную образность: две головы соединяются в супружестве, начинают спать на одной подушке. Эта метафора специфична для узбекского языкового мышления. В русском переводе естественнее использовать контекстуальную лексическую замену: «поженить(ся)», «создать семью». Если же в художественном тексте важна игра слов или необходимо подчеркнуть национальный колорит, переводчик может прибегнуть к описательной ремарке, объясняющей буквальное значение как свадебный эвфемизм.

Выражение «*Qulog'ini tishlab qo'ymoq*» неразрывно связано с древним обычаем *beshik ketdi* — помолвкой младенцев. Символический жест «прикусывания уха» халвой закреплял сватовство. Для русского читателя, незнакомого с этой традицией, оптимальны варианты «обручить в колыбели», «засватать с младенчества» или «сговорить детей». При этом в тексте с культурологической направленностью целесообразно сохранить название обычая: «по традиции *beshik ketdi* (буквально «прикусить ухо)», что обогащает представление читателя о чужой культуре.

Фразеологическая единица «*Quloqqa azon aytmoq*» отсылает к исламской практике чтения азана на ухо новорождённому. Это религиозный обряд, знаменующий вхождение младенца в мусульманскую общину. В переводе предпочтительна стратегия форенизации с пояснением: «прочитать азан на ухо новорождённому (мусульманский обычай)». В переносном, дидактическом контексте фразеологизм может переводиться описательно: «внушать с первых дней жизни», «воспитывать с младенчества в определённом духе».

Клятвенная формула «*Yelkamning chuquri ko'rsin*» или в полной версии «*Bi joylarni yelkamning chuquri ko'rsin*» представляет собой проклятие-заклинание. Образ строится на идее: пусть эти места видит лишь впадина моего плеча — то есть когда меня будут нести на плечах (мёртвого). Для русского языка естественны эквиваленты «чтоб мне туда дороги не было», «чтоб моей ноги здесь больше не было». В просторечном, грубом регистре возможно упрощённое «чтобы я сюда больше не возвращался», хотя это решение жертвует образной выразительностью оригинала.

Характеристика «*Yelkasi chopon ko'rmagan*» описывает человека, чьё плечо «не видело чапана» — традиционного узбекского халата, символа достатка и социального статуса. Это метафора бедности и непризнанности. Русский язык предлагает функциональные аналоги различной степени экспрессивности: от фразеологизма «ни кола ни двора» до нейтрального «ничего в жизни не

видевший» или «бедный, непризнанный». Выбор варианта зависит от стилистического регистра текста и степени желаемой эмоциональной окраски.

Образное выражение «*Yelkasiga shayton mindi*» — «на плечи сел шайтан» — описывает состояние, когда человек поддаётся искушению, действует безрассудно под влиянием злых сил. Русская фразеология располагает практически идеальным соответствием: «бес попутал» или «чёрт попутал». Эти варианты сохраняют и семантику, и экспрессивность, и стилистическую окраску оригинала, хотя и утрачивают соматический компонент локализации на теле.

Гротескная угроза «*Ichagini boshiga salla qilmoq*» рисует жестокую картину расправы: кишки жертвы будут намотаны на её голову наподобие тюрбана (*salla*). Перевод такого гиперболизированного образа требует учёта функционального стиля. В жаргонном или грубо-просторечном контексте уместно «кишки выпущу», в смягчённом варианте — «проучу как следует». Для художественного текста, где важна образная яркость, допустима калька с указанием на грубость и угрожающий характер высказывания.

Наконец, характеристика крайнего невежества «*Qornini yorsa, alif chiqmaydi*» с вариантом «*Alifni kaltak deydi*» использует образ первой буквы арабского алфавита как символ элементарного знания. Буквально: даже если распороть живот, оттуда не выйдет алиф; или: принимает алиф за палку. Русские соответствия «совсем неграмотный», «ни бе ни ме», «ни аза не знает» передают смысл, но теряют анатомическую гротескность узбекского оригинала. Это показательный случай, когда полная эквивалентность недостижима, и переводчик сознательно жертвует образностью ради понятности и стилистической приемлемости в языке перевода.

Фразеологическая образность рассмотренных единиц опирается на «телесно-культурный код», где соматизм становится узловым элементом концепта. В русской переводческой практике применяются четыре основные стратегии. Первая — использование функциональных аналогов типа «бес попутал», «ни кола ни двора», когда прагматика исходного и переводящего фразеологизмов совпадает. Вторая стратегия предполагает описательный перевод для реалий и обрядовых действий, незнакомых принимающей культуре. Третий подход — калькирование с комментарием — оправдан в текстах этнографической направленности, где сохранение культурной аутентичности составляет авторскую задачу. Наконец, умеренная форенизация с сохранением опорного слова (*azan*, *do'ppi*, *beshik ketdi*) уместна, когда культурная специфика не затрудняет, а обогащает восприятие текста.

Выбор переводческой стратегии определяется не только степенью культурной маркированности, но и функциональным стилем текста, целевой аудиторией и коммуникативной задачей перевода. В художественной литературе

допустима большая свобода в создании окказиональных соответствий, в публицистике предпочтительны устоявшиеся аналоги, в научном тексте необходимы точные дефиниции с этнографическими комментариями.

Список использованной литературы

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М. : Высшая школа, 1990. — 253 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975. — 239 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., перераб. — М.: Высшая школа; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. — 381 с.
5. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. — Т. : Ўқитувчи, 1978. — 408 с.
6. Nida E. A. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. — Leiden : E. J. Brill, 1964. — 331 p.